

Джерри

ПУСТЯЧОК

Сборник рассказов

Джерри Джерри

Пустячок. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29818673

SelfPub; 2018

Аннотация

Наша жизнь настолько наполнена приятными пустячками, что и сама становится приятным пустячком. Этот сборник рассказов – о прекрасных и смешных, отвратительных и несимпатичных, ежеминутных и длительных, будничных и невероятных пустяках.

Содержание

КОТ	4
БИТВА	9
ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ	12
БЫТОВАЯ МАГИЯ	17
УТРО	20
ДНЕВНОЙ ПРИЕМ	26
ВЕЧЕРОМ НА КУХНЕ	32
О ЧЕМ ДУМАЕТ ЖЕНЩИНА?	35
ОТПУСК	48
ФОКУС	58

КОТ

– Аллю, вы отдаете кота?

– Да, здравствуйте. Меня зовут Коля.

– Здравствуйте. Меня зовут Саша. Расскажите, пожалуйста, о вашем коте.

– Девушка, это обычный кот. Нечего тут рассказывать. Все при нем – четыре лапы, хвост, усы.

– Сколько ему?

– Меньше года. Я не знаю, если честно, он вообще не мой. Это кот моей соседки бабы Вари. Она умерла на прошлой неделе, жила сама. Я кота на время забрал, но держать у себя не могу – работа, командировки. И я не умею с животными ну никак. Поэтому заберите его у меня. В наследство отдам полпачки корма.

– Как я его у вас заберу, если не знаю, чего от него ожидать? Мальчик или девочка?

– Я мальчик.

– Я про кота!

– А, он тоже. Мальчик, в смысле.

– Кастрирован или только собираетесь?

– Я???

– Кот!!!

– Я боюсь отвечать на этот вопрос, он тут рядом и все

СЛЫШИТ.

– Смешной ответ. Какой окрас?

– Сейчас, минутку, разгляжу... Синий с сиреневым отливом.

– Ха, это шутка, надеюсь?

– Нет, не шучу. Кот синий с сиреневым отливом, при солнечном свете может казаться даже зеленоватым.

– Не остроумно. Вы бы выложили фотку кота в объявлении что ли. Он шумный? Шкодничает?

– Нет, совершенно спокойный, даже флегматичен.

– Я не хочу заторможенного кота.

– Я не говорю, что он заторможен! Он просто любопытный, как и любой другой кот, но не настойчивый. Отлично понимает человеческую речь. Если его не обижать, он не дерется и не плюет ядом. А еще лучше не кормить едой со стола, особенно сосисками – рвота жуткая.

– Николай, а блохи у него есть?

– Сейчас посмотрю. Какого обычно цвета блохи?

возмущенно – Серые!

– Тогда нету.

– А глистогонку коту делали?

– А это как?

фыркает – Молодой человек, вы вообще о котах что-нибудь знаете? Коту давали таблетки или капли, чтобы вывести глистов?

– Я не знаю. Я лично не давал. Я предлагал ему аспирин,

когда кот пожаловался на головную боль, но он отказался.

– Знаете, еще один такой ответ – и я брошу трубку! Я вас хочу выручить – вы знаете, сколько этих несчастных котов в приютах сидит в клетках? Сегодня можно подобрать котенка на улице – и он будет любить тебя всю свою жизнь, а я беру у вас взрослого кота, еще и не вашего! Вы хоть представляете, сколько ему придется привыкать ко мне? Какой это стресс и для животного, и для меня? А вы вообще не хотите о нем ничего рассказать! Сколько он у вас живет?

– Пять дней.

– И вы за пять дней его толком не изучили?

– Понимаете, нет. Первые пару суток он жил сам в ванной. Я совсем не умею с животными, честно, я не живодер какой-то, чтобы его запирать, просто он уж очень...

– Что «очень»? Он дрался? Обои портил? Мебель переворачивал? Он орал – что он делал?

– Он страдал. Так, что сердце разрывалось. Я не мог на него смотреть, да и он хотел уединиться.

– Вы говорите очень странные вещи. Не могу понять, вы вообще нормальный или нет. Ладно, у вас есть переноска для кота?

– Хмм, а зачем?

– Господи, вы издеваетесь надо мной? Переноска – чтобы посадить туда кота и увезти в другой дом. Чтобы он в пути не буянил и не волновался, чтобы не убежал.

– А какого размера нужна переноска?

– А какого размера ваш кот? Нужно, чтобы он в нее влез и у него было достаточно места, чтобы повернуться. Чтобы туда подстилка еще влезла...

– Девушка, у меня есть шкаф. Можно перевезти кота в нем. Я, правда, не уверен, что ему будет там, где развернуться...

– Придурок!...

Коля повесил трубку, которая ворчала гневными, обидными гудками. Кот, расправив крылья, аккуратно соскользнул на пол со шкафа и, изящно опустившись перед Колей, уселся, возвышаясь над сидящим хозяином.

– Что, сорвалась? – послал он телепатический сигнал, с сочувствием глядя на Колю всеми тремя ярко-малиновыми глазами.

– Угу, – печально констатировал Коля, погладив кота по сине-серебряной чешуе. Тот покровительственно лизнул Колю в макушку.

– Ладно, не печалься. Коты в тренде, меня скоро заберут. Хотя по бабе Варе я все равно скучаю, хорошая она была, добрая. Мурчиком меня звала, сметанку в тазик наливала. Кстати, у меня лоток уже полный. Аж вываливается.

– Это не лоток, а моя ванна, – простонал Коля. – Слушай, вот ты же умный кот, разговаривать умеешь. Может, ты мог бы делать свои дела в унитаэ, а?

– Не мечтай, – фыркнул кот, и, выгнув спину, сплюнул ядовитую слюну Коле под ноги. На паркете образовалось

темное, дымящееся пятно. – Иди лучше дай мне сосиску.

– Не дам, – вяло воспротивился Коля. – Ты в прошлый раз блевал дальше, чем видел. Паркет – фигня, железобетонное перекрытие прожгло. Соседям снизу еще день с потолка яд капал.

– Ой, подумаешь, – заискивающе просил кот, вылизывая синее перепончатое крыло. – Ну дай сосиску! Не жадничай!

– Ну, пошли, – поднялся Коля. – Только вот что: будешь блевать – давай в окно с кухни, ладно? Там у нас под окном один козел вечно паркуется. Заодно сделаешь доброе дело. То есть, не то, чтобы доброе, но...

– Ура-ура! – и кот вприпрыжку помчался за Колей, по пути нечаянно задев игольчатым хвостом тумбу с телевизором. Тумба зашаталась с самыми серьезными намерениями но, вовремя одумавшись, остановилась. На этот раз.

БИТВА

– Позвольте вам помочь, – обратился СверхВася к Красавице, бьющейся в щупальцах монстра.

– Любезно с вашей стороны, – прохрипела Красавица, – но я без надобности. Раз уж сама вляпалась, то сама и управляюсь.

– Мне все же кажется, – скромно отметил СверхВася, – что вы в затруднительном положении.

Чудище без труда отражало удары красотки, вооруженной невпечатляющим кинжалом, и отделалось всего лишь парой царапин. У Красавицы же, напротив, напрочь сбилось дыхание и сил оставалось все меньше. СверхВася наблюдал за схваткой с терпением джентльмена, тактично не прерывая соперниц.

– Мужчина, чего пристали? – вдруг взбеленилась красотка, с трудом отбивая попытки Чудища стянуть с нее скудный гардероб, состоящий преимущественно из набедренной повязки и легкомысленного топа. – Вам что, делать нечего?

– Но ведь я дал клятву защищать слабый пол! – с излишним пафосом воскликнул СверхВася. – Если женщина в беде, я не могу пройти мимо!

– Еще один сексист, – прохрипела Красавица, безуспешно стараясь ослабить хватку щупальца на шее. – Вот Чудищу помогите, оно тоже женщина.

– Правда? – СверхВася оценивающе рассматривал Чудище. – Но мне кажется...

– Мужчина, шо вы на меня так уставились? – вспыхнуло Чудище, неосмотрительно ослабив хватку. Красавица выскользнула, и полоснув кинжалом зверя по щупальцу, отбежала отдышаться, поправляя на ходу набедренную повязку. Чудище приложило раненное щупальце к неэстетичному ротовому отверстию. – Я поправилась после родов.

– Боже, у него еще и... – СверхВася успел тактично заткнуться. – А почему вы, дамы, затеяли смертный бой?

– Не твое дело! – хором проорали Красавица и Чудище.

– И что ты тут забыл, а? – подскочила Красавица, неприступно угрожая кинжалом и подрагивая набедренной повязкой.

– Ходят тут, потом проблем не оберешься, – ворчало Чудище, сердито ворочая щупальцами.

– Я просто не привык бросать прекрасных дам в беде, – оправдывался СверхВася. – А тут буквально мимо проходил...

– Иди-ка отсюда, – зло сверкнула глазами Красавица, по-

правляя топ. – Мы девочки, мы тут без тебя разберемся, понял?

– Слушайся умных баб, Вася, – поддержало Чудище, протягивая к СверхВасе воинственно настроенные щупальца. – Вали. Как поссоримся – так и помиримся. Нам полезны физические нагрузки. Скоро лето, на морько поедем, а куда всю эту красоту в купальники втиснуть? Или ты нам что-то сказать хочешь?

СверхВася бросился бежать, погружаясь по щиколотку в пески барханов. Еще долго у него в голове пульсировал издевательский двойной вопль Чудища и Красавицы:

– Катись отсюда, малохольный!

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда он впервые увидел ее, она чистила рыбу. Чешуя, облепив руки, серебрилась и казалось, будто на ее кистях поселилось холодное, мертвое солнце.

– Ты очень красивая, – сообщил он ей, но девушка лишь поморщилась, откинула копну ярких огненных волос и фыркнула.

Он обошел ее с другой стороны.

– Ты мне нравишься, – сообщил он.

– Старик, отстань! – красавица вскинула на него синие, как небо, глаза. – У тебя ни единого зуба во рту, а я молода и у меня белая кожа. Уйди!

Пожилой охотник, чуть подволакивая ногу, отошел и стал наблюдать за девушкой издали. С этого дня ему не было покоя. Он думал о ней все время, и даже в момент смерти попробовал вызвать ее образ в памяти.

Удалось.

– Надо в следующий раз родиться одновременно с ней, – решил он и, подкупом и шантажом отобрав чужую очередь на воплощение, снова родился. Она в этот момент смотрела куда-то в сторону, и поэтому подвоха не почувяла.

На этот раз у нее были черные как вороное крыло волосы и жила она в соседней деревне. Чтобы узнать ее, ему понадо-

билось 22 года. Он бросил жену и детей и пришел к ее дому.

– Уйди, дурак, – зашипела она из-за двери. – Я умираю.

От лихорадки.

– Я хочу тебя поцеловать. Еще с прошлой жизни хочу, – попросил он самым нежным голосом, каким только мог.

– Пошел к черту! – дверь приоткрылась, и метко брошенный горшок, встретив его голову на лету, разлетелся на сотню черепков.

Она умерла через два дня. Он ужасно горевал, рыдал, страдал головой и умер. Через 30 лет.

– Почему ты меня отвергаешь? – спросил он у нее в очереди на рождение. Она стояла за примерно за десять человек от него, и, уставившись себе под ноги, теребила кончик косы.

– Отстань, дурак, – и девушка отвернулась.

На этот раз он что-то перепутал, прыгнул куда-то не туда и родился поросенком. Правда, в этом были и свои плюсы: он мог каждый день наблюдать по утрам, как его любимая кормит птицу.

Но был и свой минус. Рождественский ужин, куда его пригласили сыграть роль основного блюда.

Отказ не приняли.

Кем только он ни рождался:

он становился одуванчиком, который щекотал ее нежную пятку;

он воплощался в птичку, которая прилетала с рассветом петь у ее окна;

он дважды родился ее чашкой, причем один раз прожил с ней больше 20 лет;

невозможно сосчитать, сколько раз он был ее соседом, смелым рыцарем, сестрой, случайным встречным на улице, пастором в церкви, цветочницей, булочником, массажисткой, парикмахером, рыбкой в банке, сусликом в саду, арендодателем, просто молча влюбленным в нее поэтом.

Иногда она его узнавала. Тогда при встрече она поднимала бровь и резко отворачивалась, махнув копной то рыжих, то черных, то русых, то соломенных волос.

Особенно бестактно это было в той жизни, когда он стал пастором, но даже это он стерпел.

Ведь он узнавал ее всегда.

Однажды он подобрался к ней особенно близко, но в рамках текущей жизни это не могло ему дать ровным счетом ничего. Он родился маленьким черным козленком, которого она выпестовала, вырастила и с которым шаталась по городам, горланя неприличные песни.

Она была цыганкой, и поэтому происходящее доходило до нее чуть быстрее, чем обычно.

– Чего ты добиваешься? – с досадой как-то спросила она. – Я тебе еще пятьдесят жизней тому дала от ворот поворот! Умей проигрывать, в конце концов!

– Бэээ! – с обидой ответил он и отвернулся, скрывая непрошенную слезу.

Ее повесили на главной площади одного города. Его – со-

жрали нищие.

– Какое жуткое это занятие – любить, – размышлял он в очереди на рождение. Она стояла ровно за ним и, делая вид, что в упор его не видит, пыхтела носом. В прошлой жизни она утонула, и до сих пор ее мучил небольшой насморк.

– Что мне сделать, чтобы ты меня полюбила? – обернулся он. Она широко распахнула глаза.

– Отстань, дурак! – и отвернулась.

Кстати, именно это и сработало. В некотором смысле. Он попытался потерять ее из виду и пару жизней прожил на других континентах, стараясь не путешествовать без крайней необходимости.

Потом она явилась к нему сама.

Она была невероятно хороша, как тогда, в самый первый раз, с холодными синими глазами, копной рыжих волос и белой кожей. Для полноты погружения не хватало только рыбной чешуи на руках.

– Почему ты меня не преследуешь? — вместо приветствия спросила она.

– Ты ведь сама послала меня куда подальше, разве нет? – удивился он.

– А ну-ка немедленно вернись поближе и томись! – топнула она.

Через три дня они поженились. Через год родили сына. А через три она собрала вещи и уехала к маме. На другой континент.

– Но почему? – кричал он в телефон.

– Я передумала, – ему даже показалось, что он увидел, как она пожала плечами.

Он пил горькую ночами, рыдал в подушку, а днем играл с маленьким сыном, кормил его супом и водил в парк смотреть на рыжие, похожие на ее волосы, листья.

Через месяц она вернулась. Ее лицо сияло.

– Я все вспомнила! – закричала она и с порога кинулась обнимать его. Впервые за все времена их знакомства она глядела на него восторженно, радостно, с любовью и надеждой. – Ты ведь... я же... ты ведь моя козочка! Я тебя выкормила! Как же я могла тебя бросить, ведь ты был таким чудесным черным козленочком, так умилительно шлепал губами! Можно я по старой памяти буду называть тебя Бубенчиком? – и она с чувством потерлась о его небритую щеку.

«Немного странно, но для начала сойдет. В следующей жизни выпрямим этот глюк», – подумал он и обнял ее в ответ.

БЫТОВАЯ МАГИЯ

Утро еще не набралось сил и ярких красок. Рассветная августовская дымка отступала под первыми лучами солнца, но еще вполне уверенно удерживала позиции между домами и деревьями. В это время летом Генриетта Павловна всегда выгуливала мопса Боню. Позже зной не выпускал грузную старушеницу из дома, и она, морщась от жары, наглухо задраивала окна тяжелыми шторами.

– Бонечка, а шо это у нас тут такое делается? – Генриетта Павловна остановилась и сложила руки на животе. Мопс Боня внутренне вздохнул: эта поза старухи говорила о том, что до соседского двора с аппетитными крысами, живущими возле мусорника, они так и не дойдут. Не умела она смолчать и уж тем более – пройти мимо, когда тут такое.

– Не, ну Боня, ну посмотри только! – возбужденно заворковала Генриетта Павловна, кивая головой на перекресток. Мопс послушно повернул голову. – Вон что делается, а!

Девушка в рваных джинсах старательно обливала из канистры какие-то тряпки, лежащие ровно посреди перекрестка. Поставила канистру, распрямилась, достала какую-то бумажку из кармана и, бегая по ней глазами, что-то зашептала.

– Девонька! – не выдержала Генриетта Павловна, – ты чего делаешь, а?

Девушка замахала головой, будто пытаясь избавиться от назойливой мухи.

– Ты волшбишь, что ли? – удивилась Генриетта Павловна. – А что делаешь – сглаз снимаешь? Соперницу нейтрализуешь? Ну скажи бабке-то, интересно же!

Девушка вытащила из кармана коробок спичек, зажгла одну, и, уже по пути к машине чуть поодаль, швырнула спичку в грудку тряпья. То вспыхнуло.

«Я не разговариваю с незнакомцами!», – отчетливо услышал мысль юной колдуньи мопс Боня и поднял глаза на Генриетту. Та с каменным лицом наблюдала за игрой огня ритуального костра.

– А пусть ее, подрастет – поумнеет, – вздохнула наконец Генриетта Павловна, обращаясь к мопсу. – Я ведь тоже молодая да глупая была. Всякое поколение развлекается по-своему. Пусть ее. Что-то даже зябко сегодня как-то, да, Бонечка? – старушка пожала плечами. – Прохлада такая и влажность. А ну как бы ревматизм после променада такого не мучил. Ты же пописал, Бонечка? Домой идем?

Мопс несогласно затыкал. Куда домой? Почему так быстро? Не замечая собачьего протеста, Генриетта Павловна подхватила собаку и осторожно, но умело взлетела над землей. Пара добралась до балкона второго этажа.

– Иди, Бонечка, иди, – Генриетта Павловна спустила тывкающего мопса на пол балкона и стала с трудом перелезать через металлическую облезшую оградку.

– Надо внука попросить, пусть приладит мне тут калитку, – кряхтела она. – Несolidно-то как: я дама приличная, в летах уже, и через забор лажу. Стыд и позор, да, Бонечка?

– Стерва ты старая, зачем меня домой потащила! – заливался лаем Боня.

– А ну не кричи! – Генриетта Павловна замерла, перекинув одну ногу через ограду. – Ты что это разбушевался, Бонифаций? Чего обзываешься? Неужто забыл, как собакой стал, а? Кто на жену родную рот черный открывает, тот еще хуже собаки, это тебе повезло, что люблю тебя, дундука старого!

Боня недовольно заворчал – умела Генриетта поддеть и уже пятьдесят лет, как делала она это с чувством, со знанием, каждый раз пробуя что-то новое. А ответить ей – не могли. Один вон раз ответил. Шел третий год в шкуре мопса. Забыла Генриетта, как вернуть мужу человеческий вид. А может, только так говорила – кто же знает. Но в собачьей жизни есть свои неоспоримые плюсы. Да и внук привык уже. При встрече с уважением гладит по голове.

– Уф, – Генриетта Павловна наконец перемахнула через оградку. – Колени ноют с утра пораньше. Может, на дождь. А может, ночи холодней стали. Пошли завтракать что ли.

Боня молча кивнул. Ну ее, ту улицу. Он ведь тоже не мальчик, у него тоже с утра ноют колени. Пошли завтракать.

УТРО

В наши дни проворные и ушлые творцы подняли планку удивления безобразно высоко. Давайте начистоту: никого не удивит, если в уличном ларьке бородатый стегозавр в шейном платке закажет эспрессо. Дошкольник даже бровью не поведет, когда на детской площадке высадится десант звездолета в полной экипировке, а домохозяйка в магазине, видя приближающийся метеорит, лишь презрительно фыркнет и потянется за молоком. По этой причине писатель Леша Аннушкин не нашел сил удивиться, когда обнаружил, что все, написанное им, тут же обретает действительные формы. Леша почесал макушку, парой фраз снискал благоволение двух бабушек-соседок и одного издателя, да и успокоился на том. Что фантасту эти мелочи жизни, включительно с гонораром, когда в мире есть столько еще непридуманных вселенных. Впрочем, не всегда последствия творческого процесса спокойно уживались в Лешинной жизни.

– Сонечка, сделай что-нибудь с этой гадостью, – спросонок вздохнул Леша, ощупывая плечо жены. Соня, которая полагала, что просыпаться даже от пушечного выстрела ниже ее достоинства, вздохнула, не открывая глаза нащупала и обезвредила об стену оружий будильник. Еще минут пять

подремали.

В коридорчике, куда не пробивался солнечный свет, Соне под ноги кинулось что-то темное и довольно крупное. Привычно переждав метания гостя, женщина не спеша прошлепала халатиком в ванную и долго, с удовольствием умывалась, отфыркиваясь и жмурясь.

– Стой, тут мое цайство, – дорогу в кухню ей преградил диковинный зверь. Крупная беличья морда с мудрыми миндалевидными глазами была приделана к телу некрупной, поджарой собаки. Зверь недовольно дергал пышным беличьим хвостом. Композицию венчал тюрбан на голове у гостя и золотая попона, расшитая синим шелком.

– Уруру? – Соня попробовала наладить контакт. Гость в попоне сердито замахал головой. – Ты кто такое?

– Цай Анпуики, – отрезал гость.

– Царь? А почему ты так странно говоришь?

– Язык кооткий, – объяснил царь.

– Идем, царь, я угощу тебя кофе, – предложила Соня.

– Нет! Ты не пойдешь на бвагосвовенные земви! – сердито топнул Анпуики.

– Это не земли, а пятый этаж, венценосный дурак, – Соня очень быстро теряла терпение. Вряд ли она была бы хорошим учителем младших классов. – Леш, а Леш! – обернулась она в сторону комнаты. – Пойди-ка сюда!

Леша как раз открыл глаза и размышлял о том, как прекрасен несуетливый утренний быт, напоенный тонким аро-

матом кофе, когда в солнечном луче, падающем на причудливо скомканное одеяло, кружится сияющая, будто золотая пыль, и...

– Леша, это что еще такое? – в его рассуждения ворвалась взбешенная Соня. – Твой герой мне чуть ноги не переломал и под халат заглядывал!

– Твоя женфина мне недостаточно неистово поквонялась! – семенил за женой Царь Анпуики.

Соня оглянулась на царя с презрением.

– Леша, признайся: ты опять полночи писал?

– Полно-те, спал как младенец, – не моргнув, соврал Леша и выронил блокнот из-под одеяла. Соня ловко перехватила его и, отмахиваясь от мужа рукой, спешно открыла на последней странице.

– «Анпуики, сердитый, но справедливый правитель Трех земель, не любил долго рассуждать, принимая решения, ведь все в мире суть черное и белое», – прочитала Соня вслух. – Да уж, харизматичного ты парня выдумал! Он мне ногу оттоптал и написал в баночку с кофе! С кофе, Леша!

Некрупные мышеподобные бобры затаились за дверцей шкафа, но осмелев, высунули носы и зубы. В этот миг писатель пожал плечами.

– Леша, это ты для издателя великий, – сердито сверкнула глазами Соня, – а я тебе, между прочим, расстройство желудка лечила и в больной зуб анальгин закладывала! Твои эти... персонажи меня третируют! Они везде – видишь? –

и Соня резким движением сдернула одеяло. Носкоед-подросток рухнул на спину, притворившись мертвым, и чуть не подавился Сониным капроновым чулком.

– Поворачивайся, дурилка, так и помереть недолго, – Соня перекатила носкоеда на бочок и похлопала по пушистой спинке. Носкоед с усилием втянул в себя остаток озорного чулка и зачавкал подвязкой. – Муж, сделай с этим что-то. Придумай, куда их деть. Мне от них жизни нет – то платья на флаги распустят, то сковородку на щиты расплавят и всю плиту перепачкают. Напиши им какой-нибудь вольтер, – Леша презрительно поднял бровь. – Или... ну не знаю, комнату напиши еще одну! Они меня совсем измучили!

– Разве грешно матери любить свое дитя, даже если оно дурно воспитано? – пафосно возопил писатель, тряся руками так, будто он захотел обнять Вселенную и пару-тройку близлежащих ничейных звезд.

– Леша! – рыкнула жена.

– Душенька, уже исправляюсь, – писатель подхватил блокнот, вытащил карандаш из-под подушки и небрежно черкнул «Сонечка – котик».

– Леша, я же ласковая до поры-до времени, – Соня почувствовала неладное в податливости мужа и на всякий случай ощупала себя, внезапно обнаружив на голове два лишних уха. – Ты снова меня дописываешь, гадкий мальчишшшшшка? Я и так само соверррршенство! – гневно промурлыкала она, оттягивая усы до угла видимости. – НеМУРРРмед-

ленно прекрати, фашшшшист!

Леша со вздохом перечеркнул «котика».

– Вот что, – фыркнула Соня, запахивая халатик, – я к соседке. На кофе. Степанида Васильевна все поймет. Пирожком угостит, по голове погладит, про покойного мужа-сесаря расскажет байку. А когда вернусь, – гневно оглянулась на комнату, где в ужасе замерли немислимые существа из фантастических миров, – чтобы ЭТИ были в своей отдельной жилплощади! Иначе – семиглазым богом тебе клянусь! – я вспомню, что я – Санни-Неистовая Воительница, Правительница Пяти Королевств и Одного Замшелого Пруда, которая очень недурно обращается с холодным оружием и обожает препарировать странных зверушек и самоуверенных писателей! И которая сатанеет без утреннего кофе, чтоб тобой Болотная Тварь подтерлась!

Соня громко хлопнула дверью спальни. Леша спешно дописал напротив «Сонечки» – «с кошачьим хвостиком».

– Пусть будет для нее сюрпризом, – проворчал он.

– Кто эта фувия в хаватике? – поинтересовался Царь Анпуики.

– Жена, – вздохнул Леша.

– Укокофим стевву? – очаровательные дефекты речи не могли скрыть радости монарха. – У меня на пвимете чудефсная пвопасть возве двовца.

– Любимая жена, – помрачнел лицом Леша. Он задумчиво почесал макушку, потянулся и взялся за карандаш – писать

комнату для персонажей.

ДНЕВНОЙ ПРИЕМ

– Тук-тук, здравствуйте, зайти можно?

– Да, заходите, конечно. Чего такой кислый?

– Да знаете, как-то... Горло вот болит.

– Ну горло – то понятно, горло оно у всех порядочных людей болит хотя бы раз в году. Особенно если обувь течет. Кислый такой чего, спрашиваю?

– И голова болит.

– Позвольте, голубчик, а у кого она не болит сегодня, а? Мигрень – это признак высокого и чуткого ума, который хочет прикоснуться к тайнам бытия. Аристократизм в чистом виде, что ж тут плохого? Пусть себе болит на здоровье, это он вам льстит!

– Странный вы доктор. Грипп, говорю, схватил.

– Грипп! Боже, как я вам завидую, вы бы знали! Открываешь баночку малинового варенья и с чаем ее, с чаем вприкуску! И не боишься вонять, как потный лось в брачный период – воняй себе на здоровье, ведь у тебя что? Правильно! Боль-нич-ный! И никто тебе ни полсловечка кривого не скажет! Лежи себе, книжку читай, лопай варенье! Фильму смотри! Надоест – повернись на другой бочок да спи, сопи в две дырки! А не любишь малину – смородину ешь! А...

– Да где тут поспишь, доктор? У меня это... нерасполага-

ющие, в общем-то, условия.

– Голубчик, нерасполагающее к сну условие – это понос.

У вас вот есть понос?

– Нет, поноса нету. У меня соседи.

– У них понос?

– Нет, орут они, ругаются постоянно.

– На вас?

– Что – на меня? Я как-то после поноса мысль потерял.

– На вас, говорю, ругаются?

– Да нет, друг на друга.

– Ну, а вам тогда чего переживать? Вы молодец, и поноса у вас нет, и соседи на вас не ругаются – ну чудо, а не человек!

– Ох, доктор, вас послушать... А еще меня глаза подводят.

Один почти не видит, другой почти не слышит. А еще дни бывают, каааак накатит – и все, пиши пропало, целый день жру, прямо рот не закрывается.

– Голубчик, вы слишком строги к себе! Не надо так говорить: мол, я целый день ем, я целый день сплю. Надо говорить: «сегодня у меня день утилитарных занятий. Сегодня я лучше всего ем или первосортно сплю». Поняли, да? Вот случай у меня в практике был. Один даже сидеть не мог. Но зато лежал – как бог! Я ему прямо так и говорил...

– А еще я курю.

– Вот я вас отлично понимаю, вредную привычку завести куда проще, чем полезную. Да и не преступление это вовсе, вы же просто так курите, а не потому, что задумали кого-то

убить. И если вы перейдете на определенные марки табака, то и здоровью оно не вредит. Например, ни разу не слышал, чтобы курение трубки мира вызывало рак.

– И лысею.

– Ух ты, где? Покажите?

– Вот тут и тут. Видите?

– Какая благородная лысина! Пожалуй, самая красивая из тех, что я когда-либо видел! Вы натурально счастливчик! Можно, я ее потрогаю? Здорово! Это у вас в папу или в маму?

– Странные вы, доктор, вопросы задаете, но в папу.

– Как же вам повезло, что вы не девочка! Печальней девочки с папиным типом оволосения может быть только девочка с папиным типом облысения. Очень, между прочим, пикантно и современно выглядит: бородаватый мужчина с лысиной. Эффектно!

– А еще я мыться не люблю. Меня вода пугает.

– Вы бы знали, как я вас понимаю! Нашим миром правят гигиенические маньяки, ей-богу! А ведь наши предки считали привычку менять нижнее белье каждый день ниже своего достоинства, и очень даже неплохо жили! А потом моду стали задавать эти чистоплюи, и вот мы, нормальные мужики, стали жертвами их карательной гигиены...

– Вообще странно такое от врача слышать, если честно.

– А что по-вашему, врачи – не люди? Мы что, по-вашему, в носу не колуемся, попу не чешем и сотканы из латинских

терминов и белых халатов? Мы тоже очень даже не дураки и на – поваляться, и в сериал попялиться, и огурцов соленых хрумких банку в одно рыло смолотить, и сексом потрахаться. Вот как у вас, голубчик, с сексом обстоит? И не надо морщиться, я не из личного интереса! Я вот секс не люблю, например, но в оргиях участвую с интересом. Помню, была вот у меня страстная, но удивительно забывчивая пара пациентов: могли увлечься сменой постельного белья во время секса и сменить его везде в доме.

– Ох, доктор...

– Понимаете, голубчик, к чему я все это веду? Сопли соплями, но вам смертельно полезно, то есть жизненно необходимо радость в жизни иметь. Дам я вам сейчас больничный, а вы что? Даже вкуса не почувствуете! А ведь могли бы, могли бы! Вот будь я на вашем месте, я бы что? Да я бы выше лампочки прыгал! Пришел бы сейчас домой, утоптал брускетту с колбасеттой, то есть, бутерброд, наколотил бы себе чашку чая с малиной и на диван завалился с книжкой. Или даже с раскраской. А вы сидите, сопли носом втягиваете, глаза потухшие. Фу, смотреть противно, не то, что на больничный вас сажать.

– Доктор, да вы ж понимаете – семья. Куда тут радоваться, работать надо, чтобы ребенку жилось...

– Голубчик, да хватит уже создавать будущее для лентяев своими руками, давайте и сами поживем! Вот у меня мужик, то есть, случай в практике был. Отличный случай, то есть,

мужик, ловкий, мог даже почти обеспечить семью. Правда, потом его поймали. Выписали штраф и клизму. А все почему? Психология! Читаете, бывает, слово, а оно уже знакомое вам – и вы до конца его не дочитываете, верно? То же самое с деньгами бывает. Видите знакомые деньги – и уже сразу их своими считаете. Психология в чистом виде, видите? Никакого ограбления, просто психология, ей можно все на свете оправдать. Это я к чему веду? Если вы обнаружили себя на дне, для начала хотя бы перестаньте копать и отложите лопату, голубчик! Даже в последний путь можно ехать на серебряном катафалке для особых случаев. А вы говорите – горло!

– Что-то, доктор, в толк я никак не возьму. Вы мне больничный даете или нет?

– А ну, смотреть мне в глаза! Не отворачиваться! Я. Дам. Вам. Самый. Длинный. Больничный. Который только можно при вирусе. Например, две недели. Две. Недели. Ни искорки. Ни чертика. Ни в одном глазу. Голубчик, да у вас жизнь напрочь дерьмовая, знаете?

– Доктор, я сейчас разрыдаюсь, ей-богу!

– Не поможет вам больничный. Тут нужны более интенсивные меры. Знаете, что? А давайте-ка мы будем вам все разрешать!

– Все разрешать?

– Да.

– Мне? Все-все?

– Да.

– Простите, но вы не доктор, а больной ублюдок. Пойду-ка я к другому врачу. Пусть выпишет леденцы для горла и на больничный посадит.

ВЕЧЕРОМ НА КУХНЕ

Мы сидели на кухне и пили чай.

– Не краля я вашей колбасы с тумбочки, – грустно оправдывалась собака Жулька.

– А кто? Домовой?

– Он самый.

– Брось, домовых не бывает. Как тебе не стыдно, псина?

Жулька улеглась на пол и зарыдала, прикрыв лапой глаза. Из-за тумбы раздалось тонкое, ехидное хихиканье. Маленькая чумазая голова показалась на минутку, блеснув хитрыми глазищами.

– Эй, выходи!

– Еще чего! Поди, собаку натравите!

– Натравим, вредитель! Как тебе не совестно? Помощник ведь какой нашелся: в доме грязь такая, что пауки в тапочках ходят, а он сидит за тумбой и в ус не дует! Ты ведь домовый, помогать должен!

Хихиканье стихло. Голова показалась вновь.

– У меня кризис самооценки. Не верю я в себя. И вы вот не верите.

– Как не верим? Вот мы тебя увидели – и уже верим!

– Да, а пять минут назад говорили, что домовых не бывает. Вот и помогай вам, людям: мусору в дом натащили – до-

мовой, родненький, помогай; чистота в доме – не бывает домовых. А от вашей веры в меня и моя самооценка страдает, хожу, бедолашный, и сам не знаю – существую я или нет...

– Бытие определяется делами, – глубокомысленно изрекла Ирка. – Если ты, к примеру, в жизни ничего не делаешь, только ходишь да сомневаешься – то тебя нету. А если берешься за веник и ночью, пока хозяева спят, полы метешь, тарелки натираешь до блеска – тогда ты есть.

– А не слишком ли вы много берете за свою веру? – сердито блеснул глазами. – Сами-то часами в кухне просиживаете, чай гоняете, а мне – так всю черную работу за один лишь факт существования выполнять? А кто, между прочим, фантики от конфет за спинку дивана засовывает и волосами слив в ванной засорил?

Ирка густо покраснела.

– А кто лапы после улицы не моет? Кто тапки хозяйские порвал и спрятал? Кто журналы пожевал?

Жулька заскулила и виновато отвернулась.

– А кто грязные носки под диван забрасывает, а? Кто тарелку после еды оставляет и не моет? Кто вчера всем рассказал, что убрал в доме, а сам скоренько пыль под коврик замел?

Этого я уже стерпеть не мог.

– Жулька, проучи негодника! А ну фас!

Жулька залилась радостным лаем и кинулась к тумбе:

– Ура, можно есть домового!

Маленькая чумазая голова спряталась и больше не показывалась. Только время от времени раздавалось раздосадованное ворчание.

– Подумать только, какой нахал, – возмущенно заговорила Ирка. – Я даже не знала, что домовые такие вредные!

– Неблагодарное создание, – согласился я, – другой бы «спасибо» сказал, а этот – давай нас носом тыкать в промахи. Главное – каков циник, а! Съел нашу колбасу и нас же во всех грехах обвинил! Хуже старух под подъездом, честное слово.

– Старух не люблю, невкусные, – поддержала беседу развеселившаяся Жулька, – колбасу люблю, вкусная, особенно та, которую вы сегодня на тумбочке забыли... Ой... Но мы ведь уже о колбасе не вспоминаем, правда?

О ЧЕМ ДУМАЕТ ЖЕНЩИНА?

В постели не заладилось.

– И чего ей еще надо, – до крайности расстроенный Сережа невнимательно изучал содержимое холодильника ближе к часу ночи. С особой досадой он вспоминал мечтательные глаза Наташки и мягкое, вкрадчивое «ой, да что-то не охота как-то». Общая атмосфера и игривый настрой супруги прямо противоречили ее словам. – О чем она вообще думает? – выверился он вслух, доставая еще месяц назад початую бутылку.

– О чем думает – это можно узнать, – за столом материализовался собутыльник. Серый, чуть затертый костюм неплохо облегал чуть полноватую фигуру. Возле ног позднего гостя пристроился выдавший виды кейс. На голове намечалась лысина, но взгляд гостя все еще сохранял юное веселье.

– А что это у вас с ногами? – поинтересовался Сережа, кивнув на задние конечности, которые неожиданный собутыльник стыдливо прятал в тени табуретки.

– А, заметили-таки, – небрежно бросил гость и с видимым наслаждением вытянул ноги вперед. Неаккуратно опиленные копыта слоились. – Целый день, понимаете, на ногах, – попытался оправдаться он. – Работы уйма. Бегаешь-мечешься, на педикюр времени не хватает. Наливать-то сегодня бу-

дете?

– Стаканы сзади в шкафу, – Сережа понюхал сосиску и достал соленый огурец из мутной, холодной банки. Сопя, нарезал на десертной тарелочке. Гость неторопливо протер пальцем стаканы. Разлили. Выпили. Сережа, незамедлительно хмелея, крикнул, закусил сосиской и подвинул тарелку к гостю.

– Не нуждаюсь, – закивал собутыльник. – А вот беленькой порой неплохо хватить стакашку-другую. Так что, говорите, желаете знать, о чем женщины думают?

– А можно? – удивился Сережа.

– Можно, – гость потянулся за кейсом и стал перебирать какие-то бумаги. – Заполните договорчик. Оплата по прейскуранту.

– Душу целую, что ли? – ехидно поинтересовался Сережа.

– Ну мы же не банк с грабительским кредитом, – деланно возмутился гость. – Согласно условиям предоставления, всего лишь восьмушка.

– Восьмушка чего? – удивился Сережа.

– А что вы собирались отдать – почку что ли? – язвительно поинтересовался собеседник. – Согласно условиям договора, вы передаете в бесплатное и вечное пользование на основании генеральной доверенности восьмую часть души.

– А как вы ее из целой души выделите? – глупо спросил Сережа.

– Это к техническим специалистам, если интересно, я из

юридического отдела, – отмахнулся гость. – Так что – будете подписывать или еще по одной стакашке и разойдемся, кто куда? Я – на работу, вы – дальше колобродить по квартире во втором часу ночи?

Сережа разлили еще по одной. Молча выпили. Сережа закусил куском холодного огурца.

– Ну давай сюда бумаги, – осмелел он и нетвердой рукой оставил размашистую подпись выше слов 'Получатель дара'.

– Ну что же, – гость, педантично отставив мизинец, постукивал пачкой документов по столу, чтобы листки бумаги сложились аккуратной стопкой, – поздравляю с приобретением. Доставка будет завтра с утра, между 7.30 и 8:00. Хотя, если по совести, – поздний собеседник вздохнул, – даже не знаю, дар это или... – и скорбно поджал губы, проникновенно заглянув в глаза Сереже.

– Это еще что значит? – возмутился Сережа. – А что ж ты мне, черт полосатый, сейчас впарил? Китайскую подделку?

– Нет, дар натуральный, от производителя, – гость хлопнул крышкой кейса. – Завтра уже опробуете. Просто знаете, продукт новый, толком не опробованный. Поэтому так дешево. И статистики отзывов пока не вели. Но, как по мне, спорный он, продукт этот. Не поймешь, не то дар получил, но не проклял тебя кто-то крепко.

– Ай, спасибо, раньше не мог сказать? – зло спросил Сережа. – И что мне теперь с этой фигней делать? Уплачено уже ведь.

– Ну, не знаю, сами ведь заказали, – пожал плечами собеседник. – Наслаждайтесь или как уж у вас получится. Гарантия пожизненная. Возврата нет, есть обмен с доплатой.

– Хрен вам, а не доплату, – Сережа сердито прищурился.

– Простите, но хрен не берем, только высокоэнергетичное сырье – души, мечты, чаяния. Ну, доброй вам ночи, – гость встал, взял кейс, чуть поклонился и стильно, со вкусом растворился в воздухе.

– Приснится же чертовщина, – вздохнул Сережа, выпил еще одну стакашку и отправился в постель.

– Сережа, на работу опоздаешь! – ворвался в утренний бодун голос Наташи. Металла ему добавляло мелодичное звяканье посуды, раскатами боли отзывавшееся в больной голове Сережи.

– Не ори, лапочка, – простонал он и зарылся головой в подушку. В памяти всплыли ночные события. «Сон, все приснилось. Дурной спит – дурное видит», – решил Сережа.

– Ты чего, пил среди ночи? – в дверном проеме показалась кудрявая Наташкина голова. Сережа высунул один глаз из подушки.

«Пьянь болотная. Тряпка. Я на ногах с шести утра, а этот валяется. Не хватает только, чтобы велел завтрак в постель подать, блин», – читалось в ее глазах.

– Сереженька, сварганить тебе яичницу? Жирная пища помогает с похмелья, – елейным голоском между тем предложила жена.

– Яичницу – да, – согласился Сережа. – Пожалуйста. Из двух яиц.

«Я же говорю – больной убудок», – обожгла Серезину голову презрением мысль жены.

– Но если ты занята, не готовь, я и не хочу вовсе, – быстро исправился он.

– Да мне не сложно, все равно в кухне толкусь, – Наташа проворно скрылась и загремела сковородками с утроенной энергией, а до Серези доносились обрывки ее мыслей.

«Надоело... Яичницу ему... Где перец? Блин, соль закончилась... А ведь просила купить... Ой, кажется, тухлое... Да ладно, с бодуна не заметит...»

И тут Сергей, 38-летний управленец среднего звена в крупной строительной компании, всерьез испугался. Испугался всего сразу – и чужих монологов в голове, и отсутствия соли, и, конечно, тухлого яйца на завтрак. Живо вскочив с дивана, он кинулся в душ.

– Наташенька, не готовь мне яичницу, я не голодный, на работу опаздываю! – по пути кинул он. «Кааазел», – обиженно подумала Наташа вслед.

Наскоро намылившись гелем, Сережа долго подставлял лицо потокам воды, стараясь смыть с себя Наташины мысли. Бодун растворился в мелкой водяной пыли.

– Приснилось, ну приснилось как есть, не бывает так в жизни, – уговаривал он себя. – Я себя накручиваю. Не бывает чертей. Договора бывают, заработался, вот и вышло. А все

остальное – показалось. Показалось!

Быстро оделся. Хотел быстренько выскользнуть из дома, пока Наташа перемалывала в голове какую-то чушь из вчерашнего сериала и попутно обдумывала ремонт кухни. Но вовремя спохватился – ведь полночи пил.

– Котик, – подошел Сережа к жене как можно тактичней, – от меня выхлоп есть?

Наташа наморщила нос.

«Фу блин, какое вонидло», – молниеносно пронеслась ее мысль в Сережиной голове.

– Почти нет, съешь пару мятных таблеток – и можно за руль, – и потянулась за сумкой, где у нее жила россыпь коробочек конфет на любой вкус.

«Хоть бы ты разбился, что ли», – очень тоскливая мысль влажной, неприятной улиткой проползла в Сережиной голове.

– На автобусе поеду, – решительно сообщил он.

– Так, конечно, спокойней, – поспешно согласилась Наташа.

«Ага, давай. В час пик. Ты хоть знаешь, какой тебе автобус нужен?», – ехидство стрельнуло молнией в висок. Бегло поцеловав жену в лоб, Сережа выскочил из дома и бросился к остановке транспорта.

В автобусе пахло сладким утренним потом сограждан. Мечтательный худой подросток, ухватившись за поручень, как нелепая птичка за жердочку, улыбался чему-то в окне.

– А этот ничего вроде, – донеслась до Сережи чья-то мысль. Женщина чуть за 30 с уже чуть оплывшей фигурой, но все еще сохраняющая миловидность, оценивающе разглядывала его в наглуую, впритык. Сереже стало неудобно. – Руки красивые. И нос ничего так.

– Дура малолетняя, – мысленно ругала бабка в другом конце автобуса девушку в коротких шортах поверх темных колготок. – Попу выставила и пошла. Шалава малолетняя. Мне б ее годы.

– Позвонит или нет, – думала тем временем девушка, рассеянно копаясь в мобильном телефоне.

– Да нафиг он мне сдался, – решила тем временем женщина чуть за 30, отвернувшись от Сережи. – Лысеть начал. На голове три волосины скоро останется.

Сережа пристыженно пригладил волосы.

– Хочу щенка, хочу щенка, хочу щенка, папа купит мне щенка, – восторженно визжала мыслями девочка, сидя у мамы на руках.

Мамины думы были односложны:

– Молоко. Хлеб. Зайти за справкой к врачу. Молоко. Хлеб. Спать хочу.

– Куда они все едут по утрам? – тоскливо тянула дама крепко за 40 с пакетом, плотно набитым тетрадами в руке. – На работу, что ли? Да у нас в школе вместе с учениками столько народу не наберется, как в этот автобус набилось. Кстати, симпатичная сумочка, надо поискать на сайте объ-

явлений что-то похожее. Не забыть полить фикус в подсобке.

Сереза помотал головой, но чужие голоса не исчезали, а только усиливались.

– Я одна, совсем одна, понимаешь? – с надрывом спрашивала 16-летняя фурия с густо наведенными черным глазами. Одной рукой фурия держалась за поручень, второй неустанно теребила лацкан кожаной куртки. – Я одинока в бурной реке этой жизни, как... как гавно в проруби... блин, стихи у меня получаются лучше.

– А передадите за проезд? – Серезино плечо тронул утомленный мужик.

– Господи, да вы можете как-то потише все, а? – вдруг взорвался Сереза. В автобусе упала гробовая тишина. – Ну, думать потише, – исправился Сереза, не надеясь на понимание. – Давайте сюда ваши деньги, передам за проезд.

– «Потише думать»? Отличная мысль, спасибо, дядя, – распрямила спину 16-летняя фурия.

– Не за что, – механически отозвался Сереза вслух и прикусил губы, чтобы не ляпнуть еще что-то.

– Мельчает мужик, – с горькой радостью мысленно констатировала учительница. – К сорокету вовсе с катушек съезжает. Вымирает нация.

Сереза в панике покинул автобус на следующей же остановке и пешком дошел до работы. Безбожно опоздав, он услышал примерно десяток неодобрительных оценок разной степени пошлости от сотрудниц и поспешил скрыться в ка-

бинете.

Там – спокойно. Там только Толик и Владимир Иванович.

Серее почти удалось настроиться на рабочий лад, когда в дверях кабинета появилась Люда из бухгалтерии. Несмотря на возраст, давно переваливший за отметку в 50, ей удалось оставаться магнетически притягательной и сохранять за собой имидж Загадочной Женщины.

– Владимир Иванович, что по квартальному отчету? – томно протянула она. Владимир Иванович расплылся в улыбке.

– Как все это осточертело. Жизнь прошла мимо. Устала. Цифры эти, отчеты, черт бы их подрал. И все одна. А сиськи обвисли, как сдувшиеся шарики, – лениво перебирала в голове Люда. – Морковка осточертела. Сыроедение это гадкое. На что жизнь потратила, а? На моря бы. С молодым любовником. А там и помирать нестрашно, чай, не девочка уже. Этот бы подошел, – бросила она быстрый оценивающий взгляд на Серее.

– Не надо, – поперхнулся кофе Серее.

– Что – не надо? – обернулись все.

– Да нет, ничего, – смутился Серее, не зная, куда деть глаза.

Любой визит сотрудниц вызывал в нем бурю эмоций. До обеденного перерыва пять очаровательных дам оставили в душе Серее выжженную пустыню. Рабочий процесс был сорван, и обеденный перерыв пришелся очень кстати, но вы-

ходить из кабинета Сережа попросту боялся. Он боялся отправиться в ближайшее кафе с дешевыми бизнес-ланчами. Он боялся купить кефир и булку в магазине и устроить трапезу в парке. А еще больше он боялся пойти в офисную кухню и взять кофе с печеньем.

Потому что повсюду были женщины. И они думали.

– Владимир Иванович, – Сережа умоляюще посмотрел на шефа, надевающего пиджак, – а отпустите меня домой. Что-то мне сегодня нездоровится. Голова, знаете. Погода, может. И перебрал вчера. Немножко. Сильно.

– Ну, с кем не бывает, – Владимир Иванович был в хорошем настроении. – Иди, отоспись, работа не волк, в лес не убежит.

В дверях кабинета Сережа столкнулся с девочкой-практиканткой из пиар-отдела.

– Сколько можно сюда шастать? – возмутился он. – Работать людям не даете!

– Гы-гы, – подумала девочка-практикантка, глупо моргая.

К счастью, она была на редкость пустоголовой.

– Домой. Пешком, – со стороны могло показаться, что за Сережей гнались. Энергично размахивая руками, он преодолел марафон к дому, стараясь обходить всех представительниц прекрасного пола как можно дальше.

На лестничной площадке он вновь поймал волну Наташиных мыслей. Она была в прекрасном настроении. И, лишь подходя к дверям, Сережа понял, почему.

У нее был свой большой дом и собака. Ей было 25. Он была жгучей брюнеткой, а не крашенной блондинкой. И у нее был любимый мужчина по имени Алешенька, подозрительно похожий на актера Тома Круза. С которым она предпочитала развлекаться в постели самыми изощренными способами, существующими на грани пределов фантазии и анатомических возможностей.

Сережа сел на ступеньку, чтобы лучше понять масштабы открывшегося кошмара. Чем дальше он слушал, тем неприятнее ему становилось – будто в чужой спальне подглядывал.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – уже знакомый ночной гость, стоя возле двери соседки, до крайности вредной бабки, обернулся к Сереже. – Доставочку получили, проблем не возникло?

– И что ты тут, гнида, делаешь? – взорвался Сережа.

– Да тут один срочный заказик на ясновидение, – сверился тот с путевым листом. – Не скучайте, если что – обращайтесь! – и проскользнул сквозь дверь.

Сережа вздохнул. Остатки совести и Гордость диктовали срочно предложить Наташе развод. Логика чесала затылок. Непонятно как выжившие кусочки Романтики юности, посмотрев на весь этот раздрай, вдруг предположили:

– Но ведь эта женщина неспроста в твоей жизни. И ты ведь не Алэн Делон, а она все с тобой. Честная. Заботливая. Нежная. Дом на себе тянет. Любовник – и тот воображаемый. Да ладно, бывает и похуже, давай попробуем починить?

– Ну, попробуем – толку-то? – мрачно возразил себе Сережа.

– А Наташкин-то козел, который вечно своей машиной мне под окном пердит, повесится скоро, – прозвучала ехидная мысль бабки-соседки.

– Ну, раз терять нечего, давай пробовать, – резюмировала Логика. – Хуже не будет, верно?

Нетвердой рукой Сережа позвонил в дверь.

– Кого там несет? – удивилась Наташа, прервавшись от мысленного полива цветника возле воображаемого дома. Открыла дверь.

– Сереженька, ты чего бледный такой? – ужаснулась она вслух и даже про себя. – Нездоровится?

«Перепил?», – добавила мысленно.

– Да что-то... Как-то... В общем да, – промямлил Сережа.

«Зайчик мой бедный. Хороший мой. Надо чаю ему сделать», – с неожиданной нежностью подумала Наташа. Сережа с чувством сгреб жену в объятия и крепко сжал.

– Ого, какая прыть, – удивилась Наташа про себя, и Сережа с удовольствием фыркнул ей в шею.

– Нихрена по картам этим не понять. Может, и не повесится, – рассуждала за стеной бабка-соседка. – Может, просто свихнется.

– Хочу черное шелковое платье в белый горох. И чтобы спина открытая. Надеваю и иду гулять с лабрадорами ближе к побережью от особняка, – думала тем временем Наташа,

обнимая мужа в ответ.

Сереза взвыл.

ОТПУСК

И тогда он увидел свои уши. Они были неприятно отделены от остальной головы. Собственно, это и стало последним, что он увидел в этой жизни.

Когда Творец лепил функциональные группы людей из первородного теста, он по разумению своему наделял их теми качествами, которые должны были помочь в осуществлении земной миссии.

– Вы будете придумывать разные штуки, – возбужденно бурчал Творец, вымесив как следует когорту Креаторов. Чуть задумавшись, Творец поправил на небе зазевавшуюся звезду. Та показала Креаторам язык и навеки застыла с каменной рожницей, накренившись под углом в 15 градусов. Творец вздохнул и констатировал: – Правда, звезды уверены, что вряд ли вас будут носить на руках. По крайней мере, при жизни. Одно придуманное колесо вам станется в кучу нервов. Но ничего страшного, ваши труды даром не пропадут, все оценят потомки.

Креаторы чуть разочаровано кивнули и отправились в Творцовую печь.

– А вы, – Творец растягивал тесто, – вы станете Критиками. Человеку только дай что в руки – тут же башку себе рас-

шибет. Вот и будете предупреждать: мол, тут угол острый, тут написано нескладно, а тут заусеницу можно поймать в палец. Вас я печь не буду, вам пригодится определенная гибкость. Зато вас любить будут – ух!

Бледные непеченные критики расплозились по земному шару.

И когда остался крохотный, чуть запыленный кусочек первородного теста, Творец призадумался. Он сопел, долго мял тесто в руках, раскатывал, снова сворачивал в шарик.

– Придумал! – наконец обрадовался Творец. – Ты будешь Тестовым образцом!

– Это как? – от долгого общения с пальцами Творца тесто уже получило недюжинный интеллект.

– Одни придумывают, другие критикуют, третьи делают опытные модели, четвертые используют, пятые совершенствуют, а вот испытать это все не на ком! Должен ведь кто-то выявлять узкие места опытным путем, чтобы потом было, о чем написать в разделе Предупреждений в инструкции, – торжествующе сообщил Творец.

– Даже и не знаю, что сказать, – помимо интеллекта, кусок теста получил также неслабую интуицию. И она подсказывала: от высочайшего замысла пахнет жареным. – А сменщик у меня будет?

– Ну, – Творец замялся. – Штука в том, что жизнь твоя всякий раз будет печальна и коротка. Поэтому вполне можно обойтись одним Тестировщиком. С такой продолжительно-

стью смены, прости, жизни ты вполне будешь успевать всюду. Тебе ведь совсем необязательно проходить все эти круги ада в детском саду и младшей школе, издевательства в средней школе, прыщи и стеснительность в старшей, верно? Для того, чтобы умудриться засунуть себе ершик от унитаза в задницу, совершенно не нужно высшее образование, любящую супругу и выводок детишек – нырнул в тело не первой свежести, расшибся в лепешку, ой, прости, провел эксперимент и вернулся. Выдохнул денек-другой – и снова на испытания. Должность нервная, зато очень благородная. Первопроходцев ведь все любят. Даже выпекать в печке тебя не стану, – и Творец попытался стряхнуть Тестовый Образец на Землю, где Креаторы уже успели придумать жильё с крышей, костер, вегетарианцев, жареную баранью ногу и острую палку для охоты. Да, последовательность была неслучайна.

– А может, мне очень даже по душе все эти круги ада в детском саду, с манной кашей и горшками под кроватью? – Тестовый Образец ухватился за Всевышние пальцы и высунул острый нос. – Может, я хочу украдкой щипать за попы одноклассниц в старшей школе, прогуливать лекции в универе, влюбляться, делать детей и потом их любить, когда они родятся? Нельзя ли как-то подправить в том месте, где про «печальна и коротка»?

– Нет, – Творец сурово сдвинул брови и покачал головой. – Мои решения не подлежат обсуждению.

– Да чтоб тебе пусто было, – нос снова показался из теста.

– Ты это кому – мне?? К чертям захотел? – возмутился Творец.

– А можно? – обрадовался Тестовый Образец.

– Тоже нет. Живо иди терпеть боль, мучения и унижения во имя прогресса! – Творцу удалось стряхнуть Тестовый Образец с пальцев.

– Это у вас тут что, костер? – вяло поинтересовался Тестовый Образец у первобытных людей.

– Угу, – закивали первобытные.

– Хорошая вещь, – оценил Тестовый Образец. – Тепло, уют. А ничего, если я в него, скажем, лягу?

– Ты чё, совсем дурак? – удивились собеседники на первобытном языке. – Сгоришь. Больно, долго, неэффективно. Кстати, еще и не особо вкусно, хотя съедобно.

– Ну ладно, – отступил Тестовый Образец. – А можно я у вас полешку огня заберу к себе в пещеру? Зябко у меня там. А так вход шкурой закрою, щели травой законопачу, хворосту подкину...

Наутро первобытные обнаружили страдальца задохнувшимся от угарного газа. Первобытные люди долго откашливались, выбежав на улицу из пещеры, где была законопачена жухлой травой каждая трещинка.

– Боги пожарной безопасности приняли нашу жертву, – продышавшись, сообщил жрец, обливаясь ритуальными слезами.

Стоит признать, что это воплощение Тестового Образца

было беспрецедентно переполнено разговорами. Во всех последующих он больше слушал, верней, слышал в последний момент.

– Не смей жрать наши счетные палочки! – разъяренно вопило африканское племя людоедов-изобретателей.

– Акулы безобидны, вот погладь! – утверждали первобытные рыбаки.

– Не хочешь ли ты запустить этот заостренный бумеранг? – вкрадчиво предлагали древние жители будущей Австралии.

– Как думаете, если ноги этого малохольного закатать в сандалии из цемента, пройдет ли он по дну Нила? – интересовалась древнеегипетская мафия.

– Это был не изюм, а пуговица, – кивал древнеиндийский вайшья.

– Толченное стекло усиливает потенцию, – утверждали в древнем Китае.

– Мальчик, помоги отрегулировать вот этот новенький камнемет, – хлопнул Тестового Образца по плечу дружелюбный воин. – Камнемет дали, а инструкция к нему – на тарбарщине какой-то. Подержи-ка воот эту веревку, не бойся, натяжение тут слабое...

– Молодой человек, не гуляйте в зоне испытаний греческого огня! – прозвучал запоздалый совет из античного громкоговорителя.

– Друг, помоги отрегулировать этот требушет, – хлопнул

Тестового Образца по плечу другой дружелюбный воин не то днем, не то тысячей лет позже. Через минуту войско с восторгом следило за тем, как человек, подобно птице, летит в воздухе и как, не подобно птице, размазывается о стены крепости.

– Святые угодники, да ты и за тысячу лет не отрегулируешь эту шайтан-машину, чтобы она не стреляла по своим же воротам! – услышал напоследок возмущенный вопль из толпы Тестовый Образец.

– Это порох, а не курево! – любезно, но слишком поздно предупредили в Китае.

– Не хотите попробовать засунуть вилку поглубже в глаз? – поинтересовались в Византии. – Должно быть, интересные ооще... Ой, фу!

– Шо, читать не умеешь, написано же: в дуле пушки не спать! – орали вдогонку опять в Китае.

– Я больше не могу! – ворвался в перерыве между сменами Тестовый Образец к Творцу. – Ежедневно я умираю тысячей мучительных смертей, а Ты никак не остановишь этот ужасный прогресс!

– Да, Креаторы не на шутку разошлись, – не без удовольствия признал Творец.

– Я прошу, нет, я требую отпуск, – устало хлопнул лапкой по столу Тестовый Образец.

– Погоди, а как же раздел предупреждений в инструкциях? – удивился Творец. – Он что, сам себя напишет? Тут

нельзя без человеческих жертв, пойми меня правильно.

– Я работаю на износ, – зарыдал Тестовый Образец, – а итог один и тот же. Дай мне отпуск, как просветленного прошу. Я хочу котлету. Я хочу кофе и книжку почитать. Рассветом этим твоим полюбоваться так, чтобы в этот момент у меня не горели волосы. И еще: сейчас Средневековье, и инструкций никто не читает.

– Ну, насчет последнего спешу тебя разочаровать, – улыбнулся Творец, и Тестовый Образец закрипел зубами.

Впрочем, отпуск он действительно получил. Настоящий отпуск длиной чуть больше 30 лет в случайном месте временной спирали. В качестве отдыха Творец разрешил ему отправиться в легкое и спокойное, как курорт, воплощение. Но, чтобы Тестовый не потерял форму за время отдыха, ему пришлось подписать договор о регулярном испытывании неудобства от мелких огрехов человеческого прогресса.

– Так какой же у меня отпуск? Сколько лет? 30 или 31? Или 35? – допытывался Тестовый Образец.

– Пусть это станет для тебя сюрпризом, – улыбнулся Творец и запустил Тестового на Землю.

Тестовый Образец не верил своему счастью. Впервые он родился у настоящей земной мамки, получил свеженькое, еще никем не пользованное тело – в нем даже резкость зрения не была настроена! – и пришел в полный восторг от грудного кормления.

– И почему, раз это придумали люди, нельзя было от-

править меня тестировать это? – думал он, лениво посасывая материнскую грудь. – Интересно, а теоретически захлебнуться молоком насмерть можно? Стоп, отставить, я на отдыхе!

Он рос ленивым, хоть и смышленным ребенком, с удовольствием ел манную кашу в детском саду, рано начал читать, неплохо учился в школе, в целом, пользовался уважением сверстников – еще бы, за тысячелетия работы Тестовый отрастил такую интуицию, которая подсказывала ему опасность и уличных хулиганов за пять кварталов. Потихоньку отдыхая, он закончил школу, поступил в университет, обзавелся семьей и неплохо зарабатывал на должности тестировщика компьютерных игр. Правда, Творцу надоело наблюдать за безмятежным ходом жизни Тестового и однажды ночью он решил нанести ценному сотруднику визит.

– Пойми, ты мог выбрать любой вариант, вообще любой! – кричал Творец, лупя кулаком по шаткому кухонному столу. – Тебе доступны все тайны мироздания, ты мог стать новым пророком и протестировать новую религию! Ты мог написать самую лучшую, самую универсальную инструкцию безопасности в мире! Ты мог придумать новую науку, посвященную безопасности! Хватит прятаться, выходи из туалета и давай поговорим, как мужчина с женщиной!

– Творче, дай отдохнуть прежде, чем я опять буду умирать каждый день в течение тысяч лет во имя прогресса! – послышался умоляющий голос из-за двери туалета. – И нет, выйти

я не могу, потому что жена сварила экспериментальный суп и решила проверить его на мне. Ничего личного, Творче, я бы с радостью, но...

– Тестовый, мне кажется, ты теряешь форму! – загремел Творец. – Это был всего лишь суп, а ты уже второй час не выходишь! Что ж ты так, надо же тренироваться как-то, не все же в компьютерные игрушки рубиться!

На следующий день Тестовый Образец по требованию Творца, обреченно вздыхая, поплелся в научно-испытательный центр и подписал тысячу бумаг, подтверждающих его разрешение проводить над собой самые различные опыты, которые, по мнению ученых, не приведут к смерти или существенному ухудшению здоровья. Ну хотя бы не серьезнее третьей группы инвалидности.

Первое время приходилось туго, но за несколько лет Организм Тестового Образца взбодрился и с азартом включился в игру «ну, и чем вы меня еще собираетесь убить?». Ученые диву давались запасу прочности Тестового Образца. Правда, хвост, обретенный в ходе испытаний новых гормональных препаратов, так и не отвалился, ввиду чего Тестовому пришлось перейти на фриланс – коллеги задразнили. Зато дети его хвост обожали и по средам брили безопасной бритвой.

– Сегодня вы испытаете нечто уникальное! – с радостью сообщили ученые, усадив как-то раз Тестового Образца на кожаное кресло. – Музыка будущего. Звуки, напрямую воздействующие на центры мозга. Легкая помесь песен наро-

дов крайнего Севера, японской традиционной музыки гагаку, гангста-рэпа и молдавского рока. Дарит ощущение сытости, улучшает потенцию, выводит перхоть, неплохо действует на артрит. Однако есть и не до конца исследованные нюансы. Готовы прослушать?

Тестовый Образец кивнул.

Спустя полминуты он увидел свои уши. Они были неприятно отделены от остальной головы. Собственно, это и стало последним, что он увидел в этой жизни.

– Отпуск закончился. А я так и не свозил детей к морю, – мелькнула последняя мысль прежде, чем голова Тестового взорвалась.

– Ну если даже он оказался слабоват для музыки будущего, то придется все же проект заморозить еще на сотню лет, – развел руками руководитель исследовательской группы. – А крепкий ведь был парень!

ФОКУС

– Так над вами в детстве проводили эксперименты? – на лице психотерапевта впервые за все время приема появился какой-то интерес.

– Не эксперименты! Вы от меня слышали слово «эксперимент»? – возмутился я, но под осудительным взглядом жены быстро остыл. – Скорее, это были шутки. Совершенно невинные.

– Ничего себе шуточки! – вступила Ася. – Человеку 35, своих детей три штуки, а он ночами во сне дурниной орет! Живу как в цирке: целый день с тремя поросятами и целая ночь с лунатиком, который то и дело талдычит про фокусы, шляпы и кроликов!

– Фокусы? Что-то родом из детства? – психотерапевт обернулся ко мне.

– Ну... эммм... да, – мне очень не хотелось рассказывать.

Дорогие дети! Если вы хотите сохранить в тайне какую-то историю, имейте мужество не заболеть лунатизмом! Живешь, хранишь все свои грязные секреты, и тут на тебе – за одну ночь во сне разбалтываешь столько, что родная жена грозит перебраться к маме со всеми карапузами и тащит к врачу!

– Может, поделитесь? – психотерапевт скорчил сострада-

тельную мину.

– Что-то не хочется, – проворчал я. – Но выхода у меня нет, ведь так?

– Котинька, что бы там ни было, – Ася погладила меня по руке, – я все равно тебя люблю! Мы справимся!

И я начал рассказ.

– А ну, не толкайся! – сердито сверкнула глазами тетя Ада. Замерев на секунду, она оглянулась на меня и скорчила зловещую рожу, затем, громко фыркнув, вновь стала прокладывать себе путь вперед, прямо за папиными ногами.

Мы медленно двигались гуськом по узкому коридору.

– Еще раз толкнешь меня под зад – уши надеру, – между прочим пригрозила тетя Ада, обращаясь явно ко мне.

– Не сердись на тетю Аду, ты же знаешь, какая она чувствительная, – примирительно зашептала сзади старшая сестра.

Это только в сказках со старшей сестрой может быть непрекращающаяся война. На деле старшая сестра – самый первый союзник в любом деле, особенно если нужно против взрослых объединиться. Не знаю, что было бы, родись Люська пацаном, но девчонка она мировая.

– Она не со зла, – я услышал, как Люська почесала за ухом. За каким – не услышал. – Просто нервы, эти взрослые вечно воображают, что у них нервы хуже, чем у нас. Поэтому нам

психовать нельзя, а им – сколько влезет. Их жалеют, а нас считают капризными, вот и вся разница. Не обижайся на нее, ладно? Вот оттарабаним вечернюю программу – и на два дня завалимся мультики смотреть.

– Угу, – согласился я.

– Что, заснули? – за Люськой послышалась мама. – Двигайтесь, ну! Не отставайте от папы и тети Ады!

– А все потому, – не сдержался я, – что за папой я должен был идти! Это же ЭФФЕКТНО! Ну почему вы меня не послушали и оправдали тетю Аду?

– Да кто ты такой, чтобы про эффективность судить, а? – возмутилась громко вслух тетя Ада, которая все, конечно же, слышала. Она остановилась и развернулась ко мне всем своим толстым торсом. Лиловая шелковая обшивка коридора вжались в стены, натянутая до предела тетя Адиными формами.

– Адочка, иди, не отвлекайся, оно малое и неразумное! – зашептала мама. – Ребята, не шумите, все представление испортите!

– Хам малолетний! – шипела тетя Ада, проявляя немалую изобретательность, чтобы развернуть свою толстую попу в узком коридорчике обратно.

– Ада, хватит, он же ребенок! – возмутилась уже мама.

– Дети говорят гадости, потому что взрослые их плохо воспитывают! – сердито зыркнула тетя Ада. На этот раз она капитально застряла, но злость не давала ей продемонстри-

ровать это. Только незначительные толчки телом, которые дергали нежную шелковую обивку коридора, выдавали ее бедственное положение.

И в этот момент папа исчез из поля зрения. Нам пора! Следующий на выход!

Но впереди – застрявшая намертво тетя Ада, которая на самом деле не умеет долго злорадствовать, а вот испугаться может очень быстро, а главное – невысказанно громко!

– Это я плохо воспитываю? – взорвалась мама.

– Хватит! – вдруг строго прикрикнула на всех Люська. Я услышал, как сестра быстро почесала за ухом, и едва мама успела открыть рот, чтобы сделать ей замечание – мол, она же барышня, и как ей не стыдно чесать за ухом, – Люська что было сил оттолкнулась от пола ногами и, выставив голову вперед, с силой вытолкнула мною тетю Аду в проход. Та буквально вылетела, как пробка, я успел ухватиться за проем и замедлить свое появление. Снаружи послышались восторженные крики.

– Удачи! – шепнула сестрица, и я прыгнул.

... – и еще один! – послышался торжественный голос Фокусника. Он едва успел подхватил меня в полете и бережно поднять над полями шляпы. В зрительном зале раздавался неутраченный визг детей.

– Чего зачастили? – строго шепнул он мне, пока я стрелял глазками и играл крольчишку-симпатишку.

– Теть Ада застряла, Люська ее выбила, – тихонько про-

тараторил я.

– Ставьте ее последней следующий раз, – вполголоса распорядился Фокусник, сажая меня на обклеенный красной блестящей бумагой столик на сцене.

– Что же, ребята, – продолжил он представление слащавым голосом, – наверно, больше в моей волшебной шляпе нет кроликов? Или проверить, как вы думаете?

– Проверить! – взревел зал. Я, как предписывает сценарий, взялся грызть бутафорскую морковку поближе к публике, стараясь быть как можно милее, чтобы первые ряды детей восторженно пищали и мечтали меня потискать.

Но дураков, конечно, нет. Добровольно пойти людям в руки? На тебе дулю, на тебе даже две дули!

Из шляпы последовательно появились моя сестрица и мама. Мы с сестрицей, как и предписывает сценарий, затеяли игру в кувырки поближе к публике, а взрослые кролики почтенно толпились возле шляпы, шевелили ушами и изображали кроличью благопристойность. Собственно, после появления мы становились частью декорации; вот прошел черед карт, птичек, цветочков, платочков и других вещей из арсенала Фокусника.

– Что же, дорогие ребята, – провозгласил Фокусник, обращаясь к аудитории, – к сожалению, наша с вами встреча подошла к концу! Мне пора кормить этих милейших кроликов и птичек, мои маленькие артисты очень устали. Приходите снова, мы будем рады вас видеть!

Занавес.

– Ну что, братцы-кролики? – выждав пару минут, Фокусник обратился к нам своим обычным голосом. – Что это сегодня был за саботаж? Шуруйте-ка домой, устроим разбор полетов!

И мы по одному стали запрыгивать в шляпу.

Фокусник подмигнул мне:

– Чего ждешь? Домой пошли, чаем меня напоите. Или водкой. Чего там папка твой сегодня припас, – и я запрыгнул в шляпу. Фокусник подскочил и, крутанув сальто в воздухе, запрыгнул следом за мной в шляпу. Я побежал вперед.

У каждой труппы есть свои традиции. Мы после выступлений всегда собираемся у нас дома и обсуждаем выступление. Иногда у нас собирается вся труппа Фокусника, и взрослые куролесят до утра, иногда мы целомудренно пьем полчаса чаек и расходимся по делам.

Мама еще вчера приготовила торт и оставила его в холодильнике. Тетя Ада, у которой, несмотря на преклонный возраст, сегодня был сценический дебют, притащила банку соленых огурцов и два судка с салатами. В коридоре стоял крепкий запах кислой капусты.

– Пиршество затеяли? – привычно бросил Фокусник, согнувшись втрое в узкой прихожей. Он стаскивал узконосые туфли. – Главное, братцы, не поправляйтесь – коридор к выходу из шляпы я расширить не могу. Если что, придется мне других артистов искать. Или вам худеть.

– Особенно некоторым тетям Адам, – моя обида вспыхнула с новой силой.

– Ося! Уши оборву! – кратко проинформировала мама, высунув ухо из кухни. Фокусник тактично сделал вид, что не заметил нашу перепалку.

Мы кое-как расселись вокруг маленького столика в кухне.

– Беленькой? – вкрадчиво предложил папа, заискивающе глядя на Фокусника. Тот кивнул.

Детям, то есть, нам с сестрой, налили чаю.

– Теперь спокойно объясните, что это сегодня было, – попросил Фокусник, тремя пальцами вытягивая горстку кислой капусты из миски.

– Они пустили за папой тетю Аду. А она новенькая. А должен был идти я, – выпалил я. Мама бросила гневный взгляд.

– Слово даю Люське, – кивнул Фокусник.

– Все так. За папой всегда идет Ося, потому что это эффектно, – кивнула Люська. – А в этот раз шла тетя Ада. И она застряла, потому что жирная.

Взрослые завопили одновременно.

– Я не жирная! Я пышная! – орала тетя Ада.

– Да как вам не стыдно! У нее такая конституция тела! – возмущалась мама.

– Дети! Вам кто-нибудь о вежливости рассказывал? – гремел папа.

Фокусник скривился в ухмылке.

– Так, давайте начистоту. Юным кроликам нужно прояв-

лять больше почтения к взрослым кроликам. А взрослым кроликам не мешало бы следить за фигурой. Адочка, – Фокусник осторожно обратился к тете, – вы ведь отдаете себе отчет, что обладаете фигурой не столько артистичной, сколько... эмм... кулинарной?

– Уже и попа вам моя не по душе, – возмутилась тетя Ада. – А если у меня гормоны? А что, если я крольчат не хочу и оттого пью гормоны?

– Кролик, который не хочет крольчат? – Фокусник удивленно приподнял бровь.

– Сексист, – тетя Ада аж покраснела. Кролики умеют краснеть, просто делают это настолько редко, что наблюдать это природное явление – огромная и редкая удача. – Тоже мне – артисты, творческие люди, возвышенные личности. Мещане! Вы все в плену шаблонов мышления!

– Зато не лишнего веса, – ехидно вставила Люська, и мама пнула ее под столом.

– Милочка, не слушайте их всех, что эта молодежь вообще в жизни понимает, – к нашему пиршеству подтянулись совы и уселись на подоконнике. – У вас прекрасная и очень аппетитная фигура.

– На надо так тарашиться на мои ноги, – заволновалась тетя Ада. – Не нравится мне ваш взгляд.

– Отставить каннибализм в труппе! – Фокусник хлопнул ладонью по столу. – Да что сегодня за день такой, а, господа артисты?

– Кто-кто в теремочке живет? – в окно постучал клювом попугай, еще один член труппы. Обычно мы выступали в один день, и попугай вытягивал детям счастливые билетик в конце представления. Но на днях у бедняги разыгрался ревматизм, и Фокусник дал ему отгул.

– Заходите, – мама налила еще одну чашку чаю и передала на подоконник.

– Я, пожалуй, заходить не буду и здесь посижу, – скептически оглядев забитую кухню, решил Попугай и потянулся к мисочке с вареньем.

– А голуби дома остались? – кивнул Фокусник.

– Та да. Так и норвят меня выжить из клетки, – горестно проскрипел Попугай. – Вот что, братцы кролики, – оживился внезапно он, оглядевшись, – вот скажите, как на духу. Нормально вообще – эти упыри сожрали мой бекон?

– Опять бекон. Я даже не спрашиваю, зачем тебе бекон, – хмыкнул Фокусник

– Это секрет долголетия из джунглей Амазонки! – прошипел Попугай.

– Надо птицам интернет отрубить, – вздохнул Фокусник. – Попугаи, которые едят свиней – это слишком.

– А я ведь тебя совсем еще молодым человечёнком взял. Иду как-то, гляжу – глазенки-то у тебя смышленные, – Попугай включил менторский тон.

– В человека обращу, – пригрозил Фокусник. Попугай прикусил язык, и, чтобы не выказать боли, взъерошил хох-

лок.

– Да что там бекон, – махнула лапкой мама, – подумаешь: бекон! Мне Жучка рассказала, что вытянула у благоверного из-под подушки порножурнал!

Все взрослые очень выразительно посмотрели на нас с сестрой.

– Да ладно вам, – смутился я, – вроде как если бы мы не сидели за столом, то мы не услышали бы это из-за картонной стенки?

– Или вроде как мы не знаем, что такое порножурнал? – помогла Люська.

– А вы знаете? – меня сверлил испытующий взгляд Фокусника.

– Господи, да мы же кролики. Мы от рождения в курсе! – вспыхнул я.

– Порнография и продолжение рода не так уж тесно связаны, как вам кажется, юные кролики. Уж поверьте мне как эксперту, – вступила в разговор Волосатая Рыба. Собственно, нас с сестрой это и спасло.

Когда-то Рыба была обычной, лысой флегматичной занудой, как и все ее соплеменники. Тихонько мечтала о сценической славе и однажды прицепилась к Фокуснику – мол, давай мне волосы отрастим и поставим номер, которого еще в мире не бывало. Может, она грезила роскошными кудрями, которые будут чуть колыхаться, пока она, Рыба, под аккомпанемент старого негра будет петь душещипательный блюз,

соблазнительно расположившись на крышке рояля. Фокусник долго отпирался; он терпеть не может исполнять чужие мечты, потому что как ни старайся, результат все равно разочарует. Но в конце концов, под напором Рыбы-зануды Фокусник сдался, и итог был ожидаемо плачевным.

Петь Рыба так и не научилась. Что поделатъ, бывают на свете рыбы без слуха и голоса. Редкие, но длинные волосенки выглядели, как бурого цвета трава и мешали Рыбе передвигаться. На нервной почве у бедняжки случилось психическое расстройство. Рыбе казалось, что она похожа на щетку (хотя такое сходство ей бы только льстило). Она перестала различать быль и собственный вымысел, впала в чернейшую депрессию и попросилась к нам, в деревню, доживать рыби дни на свежем воздухе. Мы к ней быстро привыкли. Обычно Рыба вела себя тихо, на уровне инстинктов усвоив, что инициативность стоит слишком дорого, и поэтому если уж она открывала рот – это вызывало в лучшем случае смятение.

Воспользовавшись общим замешательством, мы с сестрой выскользнули из-за стола.

– Это волосатая рыба? – с удивление переспросила одна из сов у Попугая. Совы недавно примкнули к нашей труппе и рыбью историю не знали. К тому же, по вполне понятным причинам совы редко навещали наш дом.

– Я единственная на всей Земле рыба, поющая блюз, – поспешила объяснить хриплым голосом Рыба. – О, сколько лет я купалась в аплодисментах, а теперь доживаю дни в этой

банке с грязным дном. Виной всему – алкоголь и несчастная любовь, молодые люди. И если вы меня спросите...

– Вы в этом уверены? Про любовь и бухло? – осторожно переспросил Попугай. От возраста он забывал куда охотней, чем помнил, поэтому многие события прошлого были для него в новинку.

– Да что вы знаете? – буквально взорвалась Рыба. – Меня соблазнил вот этот негодяй с рыжими кудряшками и сослал сюда, в деревню, к этим нечистоплотным хомячкам!

– Кхм, – поперхнулся соленым огурцом Фокусник. – Братцы-кролики, крошите бедняжке таблетку от головы в аквариум.

– Прямо соблазнил... Черт, я бы хотел это увидеть! – мечтательно прокомментировал Попугай.

Воспользовавшись замешательством, мы с сестрой выскользнули из-за стола и дали деру к лесу, вечерним одуванчикам и сонным бабочкам. Ну их всех! И разговоры их туда же!

– Когда я вырасту, ни за что не буду артистом, – выпалил я. Мы с сестрой лежали на траве, глядя, как солнце прячется за горизонтом. Люська промолчала, только с наслаждением почесала за ухом.

Взрослые засиделись глубоко за полночь.

– Вас где носило, дети? – Фокусник выбрался из тесной прихожей и обувался, сидя прямо на крыльце. – Юным кроликам пора спать.

Сестра чинно попросилась и проскользнула в дом. С улицы я видел, как в ярко освещенной кухне мама убирает со стола, громко звеня посудой. Рыба сидела в своей банке, прикрыв глаза. Ее флегматичная морда выражала крайнее недовольство. На подоконнике все еще стояли грязные чашки, оставленные совами и Попугаем.

– А я, когда вырасту, не буду артистом, – внезапно для себя выпалил я. – Хочу быть обычным кроликом. Или человеком.

Фокусник вздохнул. Я думал, что сейчас он станет в красках описывать, что же я потеряю – я даже надеялся, что он будет меня переубеждать. Вместо этого он стащил с головы шляпу с рыжим париком и с наслаждением почесал макушку.

– Не возражаешь? – прервался он.

– Что вы, что вы, я тоже с удовольствием почешусь. Только маме не говорите, – поддержал Фокусника я.

– Знаешь, юный кролик, ты меня еще ни разу не разочаровал, – признался Фокусник. – От горшка – два вершка, а умный, как собака овчарка. Молодец, хвалю. Не иди в артисты. Я тебя лучше после представления какой-то симпатичной девочке подарю, хорошо? Пусть кормит тебя морковкой. Живи и радуйся. Только напомни мне, ладно?

– А как насчет превратить меня в человека? – поинтересовался я.

Фокусник вздохнул и уставился в темную даль, за поле, за

лес, который очерчивал границы нашего волшебного мира.

– Не могу я тебя превратить в человека, – наконец прошепелестел Фокусник. – Не умею я.

– Вам просто не хватает уверенности в себе, – с готовностью выпалил я. – Это все из-за неудачи с Рыбой. Все вы умеете! Вон какой мир нам создали силой мысли. Ладный, и солнце светит.

– Ты хоть и светлая голова, но все равно грызун, – усмехнулся Фокусник. – А это – суровая наука. Нелинейные пространства и все такое. Да что я тебе объясняю, все равно ведь не поймешь, верно?

Я молчал и переминался с лапы на лапу. Когда Фокуснику надоедали наши просьбы о чудесах разного масштаба, он напускал на себя важности и начинал говорить о всяких научных штуках – обычно этого было достаточно, чтобы незамысловато намекнуть: мол, чудес не бывает, весь мир состоит из одной сплошной науки. Месяц назад во время выступления я попросил сестру отвлечь внимание на себя и спер из-за кулис со стола Фокусника одну книгу и прочитал все, что смог найти в ней о нелинейных пространствах. И знаете, что? Там не было ни слова о том, что благодаря физике или математике кролики могут разговаривать и пить чай из чашки. Именно это я хотел сейчас сообщить Фокуснику, но боялся выдать свою осведомленность. Да и с книжкой неаккуратно получилось – папа по рассеянности сжевал ее наполовину. К тому же, мне отчаянно захотелось в кустики, и раз-

говор нужно было заканчивать.

– Ну, вы все равно попробуйте, – пискнул я. – Если не получится, я не обижусь и не съеду с катушек, как Рыба. Честное кроличье!

– Давай вот как, – Фокусник, кряхтя, поднялся с крыльца. – Для выступления нужен крольчонок, а тебе уже скоро в пору самому папой становиться. Так что... ну... можно попробовать тебя превратить, конечно. Но только когда отыграем на гастролях, понятно?

– Понятно, – степенно кивнул я, хотя едва не пищал от радости...

– Феноменально, – прошептал психотерапевт. – Так значит, фокус удался?

Я кивнул. Ася сидела с широко открытым ртом и с не менее широко распахнутыми глазами и, кажется, сегодня говорить не собиралась в принципе.

– Фантастика, – доктор то открывал, то закрывал свой ежедневник. – Удивительное рядом. Но знаете, по поводу лунатизма – вряд ли я вам чем смогу помочь. Это к ветеринару!